

Лучше знать, куда идешь, чем блуждать неизвестно где

Уна О'Ши

Сколько уже она блуждает в этих горах? Часа три? Четыре? Уна давно потеряла счет времени. Вроде бы, путешествие начиналось легко: прилетела в Китай, добралась до Лхасы, привела себя в человеческий вид. А дальше начался треш. Ей казалось, что, спросив у какого-нибудь старичка о местонахождении этого мистического храма, О Ши сразу же получит ответ. Не тут-то было. Все пожимали плечами. Девушка уже подумала, что плохо разъясняется на китайском. Но, нет, спустя час сухонькая бабушка указала ей примерно, куда путь держать. Уна поблагодарила её и бодро двинула в горы.

Сейчас же ей хотелось проклинать эту женщину. Или сестру, которая могла бы узнать точное расположение храма, раз уж нашла информацию о его существовании. Хотя чего ирландка возмущается? Предупреждала Эбигейл, что будет нелегко. Не вина старшей, что Уна выбрала этот тяжелый путь.

Чтобы упростить себе жизнь, девушка уже задумывалась о том, чтобы в обличье лисицы найти пункт назначения. Но было несколько проблем: во-первых, куда деть рюкзак? Маленький зверек не унесет этот мешок, да и вряд ли О Ши заставила бы сделать это. Во-вторых, а захотела бы лисица искать этот храм? Тоже весьма сомнительно. В-третьих, ирландка краем уха слышала шорохи за спиной. А во время охоты девушка не могла остановить свою звериную сторону. Так что вариант был не самый лучший. Хотя лисица поскуливала, сообщая о том, что хочет на прогулку.

К счастью, может быть, судьба над ней сжалилась и представила взору Уны постройку, которая виднелась из-за холмов. "Если это не храм, то я точно развернусь обратно! Пошло к чёрту это обучение! Как-нибудь и сама разберусь с этим огнём." - устало перебирая ногами, злилась про себя О Ши. Через несколько минут строение показалось полностью. И, нет, на храм даже не похоже было. Просто старые ворота. А вот за ними виднелись какие-то крыши. Идти дальше к домам в надежде найти хоть одного человека? И попросить ночлега? Вечер уже как-никак. Если сейчас повернёт обратно, то дойдет ли к ночи до деревни? В горах ночевать девушка не привыкла и не хотела. Внутреннее чутьё подсказывало, что лучше попытать счастье здесь. Уна ещё немного потопталась на месте, разглядывая те самые ворота и подойдя к ним ближе, бодро позвонила в колокол.

Ломэхонгва

На вечернюю тренировку Ломэхонгва выдвигается, как с ней в последнее время случается часто, особенно ни на что не надеясь. В планах, конечно, есть пункт, гласящий, что надо пойти на тренировочную площадку, и а вдруг повезёт, вдруг там будут взрослые ученики, упражняющиеся с длинным шестом, и можно будет к ним присоединиться. Тренироваться одна девочка всё никак не научится, ей бы всё взрослую компанию, а компании нет и нет, как назло.

Вот и сегодня тоже — нет её.

Справедливости ради — сегодня на тренировочной площадке вообще никого нет, девочка встречает там звенящую пустоту. Где-то с минуту Ломэхонгва стоит, напряжённо кусая нижнюю губу, и размышляет о том, насколько это плохой знак, указывает ли это на то, что тренировкам сегодня не быть вообще никаким, или наоборот, на то, что девочке следует приложить двойные и даже тройные усилия, раз перед ней такой простор, — а потом у ворот звенит колокол, и Ломэхонгва оглядывается, и мигом откладывает размышления о тренировках в сторону.

Потому что звон колокола определённо означает, что необходимо мчаться к воротам.

Ломэхонгва бежит со всех ног — ей очень хочется раз в жизни быть у ворот первой, и узнать, как это, когда сама встречаешь и сама в этом главная. И сегодня у девочки получается, и она действительно первая у ворот, и только бы после этого всё не испортить по неумению, так ведь хорошо всё начинается.

— Здравствуй, — доброжелательно говорит Ломэхонгва, глядя на стоящую у ворот ученицу, стройную и красивую. Китайский язык и без того даётся Ломэхонгве плохо, а сейчас и вовсе пытается выскользнуть из головы весь, прочь. Девочка с трудом нашаривает нужные слова, торжественно произносит: — Добро пожаловать, — и, прикладывая ладонь к своей груди, серьёзно представляется: — Ломэхонгва. Ученица. Кто ты?

Уна О`Ши

Как же, наверное, глупо девушка смотрелась со стороны: дверей нет, а она звонит в колокол у ворот и ждёт, что кто-нибудь к ней выйдет. Логичнее было бы самой осмотреть территорию. Если здесь есть люди, то Уна по-любому их найдет. С другой стороны будет не вежливо гулять на чужой территории... Но в любом случае усталость берёт своё - ирландка просто стоит и ждёт.

И ждёт недолго. Буквально через пару минут к ней выбегает девочка, вся такая радостная и воодушевлённая. И не похожая на аборигенов. Неужто она также приехала сюда в поисках малоизвестного храма? А если так, то О`Ши всё же достигла пункта назначения. Ведь так?

- Здравствуй, - Уна кивнула незнакомке, слегка улыбнувшись. От девушки не ускользнуло, что юная особа замешкалась немного. Тяжело на китайском говорить? Или просто волнение? Тогда с чего бы? - Спасибо. - Она ещё больше расплылась в улыбке: так забавно представлялась эта девочка, хотя и старалась официально. - Уна О`Ши. Можно просто Уна. Очень приятно. - Ирландка решила поддержать стиль речи Ломэхонгвы.

- Ты не могла бы просветить, куда я попала? - Лучше всё-таки уточнить, а то мало ли. Может, это обычный религиозный храм. Хотя какая ей сейчас разница? Найти бы место для ночёвки.

Ломэхонгва

Взрослая ученица улыбается — и Ломэхонгва рискует коснуться дара, который ей еще в новинку и который едва-едва проявил себя совсем недавно, во время учебных диверсий. Девочка мысленно тянется к Уне, пытается посмотреть на неё и дальше, внимательнее, сквозь неё, чтобы своим новым даром попытаться увидеть яркий отпечаток ауры...

... и ровным счётом ничего не видит. Возможно, эмоции Уны не слишком яркие, а

возможно, Ломэхонгве попросту не хватает таланта и умений, чтобы справиться с этой задачей. Это мимолётно расстраивает девочку, но только мимолётно. Зато она талантливый шаман, а когда ей разрешали остаться в монастыре, с неё никто не брал клятвы, что она освоит ещё и прорицания.

— Линь Ян Шо, — говорит Ломэхонгва и обводит рукой вокруг себя, поясняя этим жестом, что только что произнесла название монастыря. Объяснять сложно — девочка плохо знает китайский, из-за чего она и на занятиях с грохотом пропускает мимо себя добрую половину теории, если вдруг та выражена сложными, незнакомыми словами, но Ломэхонгва очень старается. — Место учёбы. Место магии. Ты маг? — доверчиво спрашивает девочка. Не все, кто приходит в Линь Ян Шо, уже владеют магией, среди них, в том числе — статная белокурая Розмари, с которой Ломэхонгва сталкивается на занятиях по боевому шесту. Розмари, кажется, почти не умеет колдовать до сих пор, но это не останавливает её вовсе. И для Уны, если она столь же целеустремлённая, отсутствие магии тоже может ничуть не стать помехой в её обучении. Ломэхонгва делает рукой ещё один жест, теперь указывая себе за спину, вспоминая, что "встречать" не означает "стоять на пороге и говорить", и повторяет: — Добро пожаловать. Пойдём.

Уна О'Ши

- Линь Ян Шо значит, - пробубнила ирландка. Ровным счетом эти слова ей ничего не давали. Просто название места, ничего более. Если понадобится, то запомнит, конечно. Но вот от следующего пояснения и вопроса Уна опешила. Как же можно так сходу спрашивать о магии? - Ну, да, вроде как.

И почему "вроде". Конечно же, она маг. Или все люди могут превращаться в животных? А ещё поджигать вещи и себя заодно? Раньше девушка не использовала данное слово, так как ей казалось это немного странным. Будто О'Ши в каком-то фэнтезийном фильме или книге, в другой реальности.

И ещё эти односложные предложения Ломэхонгвы... Вроде бы, не трёхлетний ребенок, можно же более развернуто говорить. Хотя если она начала тараторить на китайском не факт, что Уна успевала бы следить за ходом её слов.

- Если тебе проще, может на английском будем говорить? - предложила ирландка. С чего она взяла, что девочка знает английский, непонятно. Ну, а вдруг. Уна направилась за девочкой, смотря по сторонам. А внутренняя лисица вновь ожила, напоминая о своем существовании и желании тоже изучить местность. Вдруг есть чем поживиться. И справедливо будет заметить, что не она одна желает найти что-нибудь съестное. Что-нибудь мясное... Ароматное, нежное, с тонким слоем жира, чтобы обжигал язык, но ты не мог остановиться, потому что чертовски вкусно. Девушка сглотнула слюну. Какова вероятность, что здесь её так накормят?

- Ломэхонгва, эм, ты не против, если наша экскурсия начнется с кухни? - Уна виновато улыбнулась.

Ломэхонгва

Ломэхонгва кивает, запоминая. Она и сама довольно смутно представляет себе, зачем задала вопрос про магию — он соскочил с языка сам собой и даже, наверное, был совсем не нужен. Да ещё и задан был как-то криво — Ломэхонгва вдруг замечает, что она, оказывается, говорит односложными рублеными фразами, что, должно быть, в глазах Уны её совсем не красит. Девочка смущается, и ругает саму

себя страшными словами, и послушно переходит на более родной и привычный ей английский: — Да, ты права, так мне будет проще. Я плохо знаю китайский. Меня неприятно слушать? Прости, я не хотела, — извиняется Ломэхонгва. Китайский она старается подучить, этот язык ей очень нужен, потому что на нём в монастыре все говорят и, что гораздо важнее, ведут все занятия. В повседневной жизни девочка бы и с английским выкрутилась, но на занятиях это уже не работает, и часто там нужно слушать сложную теорию — и, в общем, всё идёт примерно к тому, чтобы девочка не то чтобы сдалась, но признала, что таланта к языкам, в частности, к языку китайскому, у неё нет.

— Столовая. Конечно, — кивает Ломэхонгва. Ведёт Уну за собой к перекинутому через ручей мостику и на ходу показывает рукой: — Это в другой части монастыря, за ручьём. И жилые дома там же. Все дома: для учеников, для мастеров, для семей, — не факт, что это нужно Уне прямо сейчас, но это приходится к слову, а Ломэхонгва, наконец-то не загнанная в рамки плохо знакомого ей китайского языка, наконец не скупится на слова.

Ученические корпуса вырастают сразу за мостом, Ломэхонгва же, мимоходом указывая на них Уне, уверенно забирает правее, заворачивает в сторону столовой, и соображает на ходу. Обед уже был, ужин ещё только должен обозначиться впереди — но наверняка что-то должно было остаться с обеда, всегда остаётся. Ломэхонгва заходит в пустую пока столовую, где ещё даже дежурные не соображают ужин, указывает на стройные ряды пустых столов и приглашает: — Садись. Я сейчас сделаю еду. Разогрею, — уточняет девочка. И на всякий случай спрашивает: — Ты ешь мясо?

Уна О'Ши

Предложение ирландки перейти на английский было одобрено. Ну, и чудно, им обоим теперь будет проще беседовать. Китайский язык не так-то просто воспринимать на слух, что уж говорить про диалог. Тем более Уне, знавшей в совершенстве английский и разговорный ирландский, уже третий учить было довольно-таки не просто. Да, в последний месяц она интенсивно занималась с разными преподавателями, но этого естественно недостаточно.

- Не то что неприятно... - О'Ши задумалась, пытаясь подобрать нужные слова, - Просто я вижу, что ты хочешь сказать многое, но, увы, сделать это сложно. Почему бы не упростить себе немного жизнь, если это возможно? - ирландка улыбнулась. О, как она удачно завуалировала ещё и то, что ей лень уже напрягать мозги, разбирая китайскую речь.

Девушка следовала за новой знакомой, стараясь внимательно слушать, что и где находится, и периодически кивая. Конечно, с первого раза она всё не особо запомнит, придётся потом самой ходить и изучать местность. Но не сегодня это точно, слишком много новых мест и впечатлений. Зайдя в столовую, Уна бегло осмотрела помещение, задержав свой взгляд на забавном изображении слона. Вроде, это местный Бог? Или она опять что-то путает.

- М, хорошо, - ирландка, не торопясь, присела за самый ближний к печи столик. Вот, вроде, чисто и уютно в столовой, но О'Ши всё равно не покидает ощущение, будто попала она в фавелы. Разница лишь в том, что здесь никто не пытается выкрасть деньги или обругать тебя. Но следующий вопрос переключил внимание девушки:

- Конечно, ем! - воскликнула Уна и добавила уже чуть тише, - я бы сказала, что

сейчас только о нём и мечтаю.

Ломэхонгва

— Это хорошо, — серьёзно говорит Ломэхонгва перед тем, как начать возиться на кухне с посудой. Девочка довольно смутно представляет себе, как бы она пыталась сочинить вегетерианский перекус и выбрать из обеденного блюда мясо — и очень хорошо, что теперь ей уже и не надо пытаться представить это подробнее. Некоторые девушки, а по слухам, даже и некоторые парни вроде бы придерживаются каких-то своеобразных диет, но раз Уна, видно, им не следует, то и беспокоиться пока не о чем.

С посудой Ломэхонгва обращается довольно ловко — полноценно готовить на дежурствах её всё ещё не пускают, но вот разогреть еду более чем в её силах. Девочка ставит на огонь вок, перекладывает туда рис с овощами и мясом — кажется, это свинина, и стараниями кого-то из девушек-дежурных она просто невероятная, как будто сегодня в монастыре должен был быть праздник и пир в честь праздника, хотя ничего ведь подобного, обычный день, — и умело перемешивает длинными палочками, чтобы лучше разогреть. Это из разряда той несложной работы, которую девочке поручают довольно охотно и с которой теперь справиться совсем просто.

Ломэхонгва перекладывает разогретый рис в отдельную глиняную миску, заваривает чай и несёт всё это к столу — в одной руке чайник, в другой руке миска, и то, и другое жжётся, а чашку и палочки девочка уже может взять только в зубы, потому что третьей руки природой не предусмотрено. Поставив миску и чайник на стол, Ломэхонгва ещё раз убегает вглубь столовой, возвращается с чайной чашкой, с палочками и на всякий случай с вилкой, раскладывает всё это на столе перед Уной и серьёзно желает: — Приятного аппетита. Я надеюсь, тебе понравится. Потому что здесь каждый день примерно такая еда.

Уна О'Ши

Пока Ломэхонгва подогревала еду, Уна уже более пристально стала осматривать помещение. Первое, что она подметила - это отсутствие раковины. А руки мыть и посуду где? На улице ирландка не видела необходимого атрибута. И в столовой тоже. Девушка поморщилась. Неприятный факт. Второе - это отсутствие людей. В храме так мало обитателей, или просто все не столь голодные? Хоть кто-то же должен хотеть перекусить! Но, нет, совершенно никого, кроме новоприбывшей О Ши и её спутницы.

Пока Уна вертела головой и пыталась себя отвлечь от столь навязчивого чувства голода, Ломэхонгва приносит небольшой чайник и миску, а затем ещё и чашку со столовыми приборами. Палочки ирландка проигнорировала, так как увы пользоваться ими не умела, ложкой проще. Пододвинув ближе тарелку, Уна стала разглядывать содержимое:

- Спасибо, - благодарит девочку. - Да, выглядит вкусно.

Первую ложку всё же пробует насторожено. И зря: не только на вид, но и на вкус оказалось очень аппетитно. Заглотила ирландка полмиски буквально за пару минут, даже не обращая внимание на то, что рис был огненным. Если родители видели бы сейчас её, то явно отругали, потому что не культурно сметать еду с такой скоростью.

Но сейчас для неё это было не важно, ведь родственников рядом нет.

- Очень вкусно, - Повторяет Уна, наливая себе напиток и кивком указывая на чайник,
- а ты не хочешь?

Ломэхонгва

Ломэхонгва радостно улыбается. Она за ужин переживает так, словно лично придумывала для столовой меню, лично все готовила, а перед этим опять же лично выращивала рис и добывала мясо, и девочке очень приятно, что поздний обед, постепенно переходящий в ранний ужин, приходится её новой знакомой по вкусу.

— Я не хочу, спасибо, — вежливо отказывается Ломэхонгва. Хотя, из вежливости, возможно, всё же и стоило хоть немного поддержать трапезу, но девочка уже объясняет: — Обед был в два. Скоро восемь, скоро ужин. Я лучше дождусь ужина, чтобы вместе со всеми, — худенькая Ломэхонгва ест мало, трёх походов в столовую в день ей более чем достаточно, и вдруг четвёртый может оказаться лишним, даже если отравиться всего лишь чашкой чая, кто знает. Наверное, всё-таки лучше не проверять.

С полминуты Ломэхонгва молчит и крутит в руках не пригодившиеся Уне палочки. Девочка умом вроде бы понимает, что нужно занять новую подругу разговором, но довольно смутно представляет себе, как это сделать. Всё-таки сложная это работа — встречать новых учеников, неудивительно, что её обычно поручают мастерам. Наконец Ломэхонгва собирается с мыслями и отважно предлагает: — Может, ты хочешь что-то спросить про монастырь? Что-то узнать? Я не самый хороший рассказчик, но постараюсь тебе ответить, — искренне обещает девочка. А то её стараниями Уна пока ничего о монастыре и не знает, кроме разве что того, что жилые корпуса — это "там", а не "здесь".
